

Гость фестиваля – Эдуард Кубенский

Если «Радуга прощения», перекинутая от одного разрушенного храма к другому, когда-нибудь осуществится, она будет выглядеть так

Но семья чревато ростом...
Елена Ширман

В работе фестиваля принимал участие лучший в России издатель книг по архитектуре, архитектор, дизайнер, инициатор необычных акций в Екатеринбурге Эдуард Александрович Кубенский. До фестиваля он уже нанес визит в Иркутск, подискутировал в Иркутском доме архитектора с молодой и не очень молодой архитектурной общественностью города, побывал в «Тальцах» и на Байкале, а также прогулялся по иркутскому 130-му кварталу. Нижеследующий текст сложился не столько из изложения идей и прогнозов Э. Кубенского (он оказался довольно молчаливым человеком, не очень охотно вступающим в дискуссию по поводу своей деятельности), сколько из стихийно возникших обсуждений после его мастер-класса в Иркутске (там его главным интервьюером была я) и в Красноярске (за овальным столом в помещении Союза архитекторов с бокалами шампанского в руках находились В. Астраханцева, А. Раппапорт, К. Лидин и М. Ткачева). Кубенский – медийный человек, поэтому основное содержание его акций и фото к ним можно найти в Интернете (около 500 тысяч ссылок, в том числе живой журнал и социальные сети; есть из чего выбрать).

Константин Лидин Ваша деятельность влияет не на потоки денег, а на умонастроения, что гораздо важнее. Почему вы занялись таким неблагодарным делом? Ведь ваша роль лидера – уже очевидный факт. Факт оппозиционности существующей системе власти тоже налицо. Куда бы вы хотели повести?

Эдуард Кубенский Мы работаем вопреки инерции восприятия городской среды и событий, происходящих ежедневно и как бы незаметно. Эта незаметность тихой сапой вползает в жизнь горожан, добавляя в нее то, что мне кажется недопустимым и уродливым. Мне кажется, что наши акции делают очевидным то, что скрыто в текучке повседневности. Я осознаю, что я не ведомый. А куда вести – мне пока и самому не очень понятно. Понятно только, что с официальной властью мне не пути, и все приглашения на должности, которые мне предлагают, мне не подходят. Хочется сказать, что я веду к спасению, но это чересчур амбициозно.

Александр Раппапорт Одно из ваших предложений – радуга в городе. Это как сбывающаяся мечта. С детства у нас осталось впечатление, что радуга – что-то волшебное. И хороша тем, что она неустойчива. Играет с нашим чувством времени, грозя все время исчезнуть, побледнеть... Она неуловима. Когда радуга стоит прочно, она теряет свой вкус счастливого предзнаменования, подарка неба. Это благословение. В ваш проект хочется добавить случайности.

ЭК Мне было интересно воспользоваться новейшими техническими изобретениями. Вряд ли это предложение может быть реализовано прямо сейчас. Но ведь пометать никогда не вредно.

Марина Ткачева Тем более что мечты имеют обыкновение сбываться совершенно неожиданно для самого человека. И он подчас оказывается не готов к этому.

КЛ И погода во время радуги должна быть гнусная: контраст станет еще эффектнее.

АР Игра с радугой выходит за рамки стабильного существования: если оно не обеспечено, то его дефицит и компенсируется радугой (или ее ожиданием). В общем, такие проекты очень напоминают концептуалистское искусство: они такие же скоропортящиеся. А концептуализм наносил колоссальный ущерб обыденному сознанию, показывая, что оно не знает тех вещей, которые представляются понятными и очевидными: что такое красота, что такое искусство... Может, ваша практика – это именно множество трактовок одного и того же вопроса? В этом контексте интересно рассмотреть возможность иронического смысла в таком возвышенном и романтическом явлении, как радуга.

ЭК Я тут сочинил фабулу для романа. Вот она. Ученый, мечтающий вылечить свою больную возлюбленную, изобретает оптический пинцет, способный изгибать световой луч и, не нарушая здоровых тканей, уничтожать зараженные клетки. В одной из бесед в баре об этом узнает одержимый художник. Художник тайком крадет секрет формулы искривления светового луча для того, чтобы создать художественный проект, граничащий с настоящим чудом. Он замыслил проект с интригующим названием «Радуга прощения». Крадя секрет ученого, художник невольно (а может быть, нарочно), чтобы никто больше не мог повторить этот проект, уничтожает лабораторию ученого. Спустя некоторое время возлюбленная ученого умирает, так и не получив исцеления. Сам ученый, не видя смысла в дальнейшем существовании, кончает жизнь самоубийством. Художник всеми правдами и неправдами создает свое

произведение на основе разработанной ученым формулы и нарекает его «Радуга прощения», оплакивая страсти прошедшего века и одновременно осознавая свой грех. При первом запуске радуги художник ослепляется ее светом. Люди за созданное художником чудо благодарят мастера. Испуганный ослепленный художник уходит из города навсегда и становится отшельником. Чудо-радуга продолжает светить людям, но никто не знает, сколько это продлится, потому что художник дает обет молчания и уносит секрет ученого навсегда с собой. Люди живут надеждой радужного света. Иронии в сюжете нет, сплошная трагедия.

МТ И все-таки само сгущение таких фабульных поворотов настраивает на несколько ироническое восприятие.

КЛ У кого как. Но вообще идея, что один и тот же текст может содержать множество смыслов, а один смысл может быть выражен разными способами, очень трудно ложится на понимание.

МТ Вот ваш проект с кенотафами совершенно законно был прочтен как надругательство над обрядом захоронения. Не всеми, но именно людьми, обладающими властью. Конечно, в нем масса иронии и социальной драмы, но все это осталось за кадром. Выскочил самый первый слой смысла – захоронение, а уж какое оно – реальное или мнимое – для «серьезных людей» в конечном счете безразлично.

АР Любое такое задание, «заточенное» на ломку привычного, не всегда может быть выполнено, но знать, что оно ДОЛЖНО И МОЖЕТ БЫТЬ выполнено, необходимо. Этим искусство и занимается – если оно искусство, а не суррогат. Кроме того, в искусстве малопродуктивным оказывается вопрос: с какой целью? Художественное событие создается потому, что художник не может его не делать, потому что он любит делать. Если эта увлеченность у человека есть, то она заражает и в определенном смысле обеспечивает успех, в вашем случае – общественный резонанс.

ЭК Мне нравится то, что я делаю. Конечно, я неудобный для города человек; несколько раз меня пытались

«приручить»: должности предлагали, руководящие посты – вплоть до главного архитектора города. Но это совершенно не моя жизненная дорога. Вдобавок я чувствую, что разрушу то, чем буду заниматься в роли официального лица, а не построю и не улучшу.

Виктория Астраханцева. Я вам завидую: вы счастливый человек!

АР Кроме того, обычно увлеченный и талантливый человек переживает состояние творчества как мучительное, но без него существование кажется еще хуже – просто невозможно.

ЭК Я думаю, что в жизни гораздо больше предсказуемости, чем мы можем себе это позволить. Семиотическая культура, в которой мы существуем, – от светофоров с надписями до правил поведения в официальных учреждениях – сильно упрощает жизнь, лишает ее живого инстинкта готовности к неожиданному, свойственного скорее животным, чем современным людям.

ЭК Я с самого начала говорил, что издательская деятельность не бизнес. Когда я оканчивал архитектурный институт, я буквально болел: казалось, что никем не могу и не хочу стать, кроме как архитектором. Вот я за три года скинул Рэма Коолхаса и займу его место. Но оказалось, что судьба заставляет меня проектировать входные группы – и не более того. Жизнь и давление обстоятельств заставили искать компромисс с самим собой. Я уже занимался издательской деятельностью, а архитектурой занимался все меньше и меньше. Несколько лет назад я осознал, что я не архитектор, а издатель, а архитекторы – мои друзья, с которыми можно хорошо проводить свободное время. Пришло сознание, что себе нельзя противиться, нельзя себя заставлять. Нужно отрешиться от шелухи, и тогда придет писательский талант или что-то другое. Наши издания мы исполняем как архитектурный проект: сначала пытаемся понять условия, в которых существуем, а потом создаем продукт. И название издательства – тоже неслучайно: когда-то мы узнали, что Татлин в Свердловске бывал, а основатели уральской архитектурной школы сочли его неграмотным. Так мы

себя и ощущаем – слегка невоспитанными, не до конца культурными. Потому что наш проект – это больше, чем издательство, мы выходим за пределы печатного листа и реализуем проекты везде в пространстве. Вот наша газета «ДУРА» (я о ней говорил) – это собрание отвратительных, гадких высказываний, которые в Интернете позволяют себе достойные и уважаемые, казалось бы, люди. Они никогда не думали, что это напечатают, а мы взяли – и напечатали на бумаге; могли бы даже и на глянцевой. Можно было еще закладочки сделать с надписями типа «Сам дурак», на полочку поставить... Фишка была в том, чтобы человек взял эту газету – и ощутил себя грязным, ему захотелось бы помыть руки.

КЛ Вы зря считаете, что это не бизнес. Это и есть сегодняшний, а скорее, завтрашний бизнес, он теперь такой и есть.

АР Вы – изобретатель, порождающий идеи, смыслы, способы жизни, инженер в полном и точном смысле слова. В русском языке это называлось раньше «хитрец», он исхитряется что-то сделать, найти спрятанное.

ВА Но это еще и врань, а строго говоря, без вранья ничего и сделаешь, не изобретешь.

ЭК Да, я изобретатель. Одно из высказываний Татлина мне особенно нравится. Это описание орнитоптера: «Человек влезает в аппарат, вдевает руки и ноги в лямки и атакует ветер». Татлин описывает несовершенство нашего организма и одновременно амбиции, которыми обладает человек. И моя деятельность находится на скрещении истории, которую мы изучаем, города, в котором мы живем, и амбиций, которыми мы обладаем. Мы вступаем в дискуссию без надежды выиграть какой-то приз.

МТ Надежда умирает последней, но мне кажется, что ваши проекты с детьми – это и есть будущее. Отблеск надежды, ощущение от ее присутствия во многом объясняет и налет грусти (а в текстах, написанных вами, эта грусть превращается почти в трагедию: там все умирают), и иронию – потому что «человечество должно весело прощаться со своим прошлым».

Марина Ткачева

Под этими надгробиями никто не похоронен. Кладбище домов в центре Екатеринбурга – напоминание о том, что было и исчезло

Складни располагались прямо на тротуаре. Создавая абстрактную скульптуру из традиционного для уральской промышленности материала (горячекатаное железо) автор сознательно объединяет три значения слова: складной нож, стихотворение И. Анненского и складная икона

Музей деревянного зодчества в Тальцах (Иркутск). Игорь Козак и Эдуард Кубенский. Фото Елены Григорьевой.

